

Вадим Беспрозванный
«Литературные устрицы»
или
Еще раз о теме устриц

Вы пишете, что устрицы ведут себя спокойно, пока играет музыка. Но это замечание излишне, совершенно излишне. Устрицы всегда спокойны. Их ничто не может вывести из равновесия. Устрицы ровно ничего не смыслят в музыке.

Марк Твен¹

Статья Р. Д. Тименчика *Устрицы Ахматовой и Анненского*, опубликованная в сборнике *Иннокентий Анненский и русская культура XX века*,² по справедливому замечанию Ильи Виноцкого, явилась «удачным введением в исследование темы».³ Рассматривая стихотворение Ахматовой *Вечером* в отношении к творческому наследию Иннокентия Анненского, в частности, к его докладу *Поэтические формы современной чувствительности* (51),⁴ Тименчик определяет связь названного стихотворения с выступлением Анненского следующим образом: «Слова Анненского, адресованные молодым поэтам, стали его поэтическим завещанием. Мудрое недоговаривание стало программой и практи-

© Vadim Besprozvany, 2011

© TSQ 36. Spring 2011 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

Автор статьи признателен Михаилу Безродному и Александру Соболеву за оказанную помощь; особая благодарность Кириллу Елисееву, ознакомившемуся с этой работой в процессе ее написания и высказавшему ряд ценных соображений.

¹ Твен, I, 116. «Your remark that clams will lie quiet if music be played to them was superfluous — entirely superfluous. Nothing disturbs clams. Clams *always* lie quiet. Clams care nothing whatever about music.» (How I Edited An Agricultural Paper. Twain, *Collected Tales*... III, 415).

² Перевод этой статьи на английский язык: *Elementa*. 1996. Vol. 2, 311—317.

³ *Формула устрицы*. (И. С. Тургенев в зеркале Бальзака). *Elementa*, 1997, Vol. 3, 326. См. эту же статью в др. издании: Виноцкий И. Сон устрицы. И. С. Тургенев в зеркале Бальзака. — Виноцкий, И. Нечто о привидениях. Учен. записки Московск. культурологич. лицея. Серия: Филология. № 3—4, 1998 [6—7]. М., 1998, 264—276.

⁴ *Неизвестный Анненский (по материалам архива И. Ф. Анненского в РГАЛИ)*. Публ. подг. Г. В. Петрова — http://az.lib.ru/a/annenskij_i_f/text_0630.shtml.

кой ранней Ахматовой. И, по-видимому, над своей, продолжающей дело Учителя поэтикой она склонна была поставить его персональную сигнатуру — пример из чьего-то рассказа о самоопределении умирающего Тургенева» (51—52). Кроме «двусторонней» связи, обозначенной в заглавии статьи, исследователь указывает на связь слов Анненского с предшествующей традицией, а также приводит ряд других наблюдений и параллелей, относящихся к теме устриц.

В качестве продолжения и развития темы Б. А. Кац, анализируя стих-ния *В ресторане* Блока (1910) и *Вечером* Ахматовой (1913), указывает на, по его мнению, «гораздо более очевидный (и потому, видимо, оставшийся незамеченным) случай использования слова «устрицы» в русской классической поэзии [...]» (Кац, 487). Далее автор статьи ссылается на строфу из *Отрывков из путешествия Онегина*.⁵

В упомянутой выше статье *Формула устрицы... Илья Виницкий* расширяет круг источников, относящихся к «устричной теме», а также предлагает (хотя и в сослагательном наклонении) следующую их классификацию:

Если бы мы задались целью классифицировать многочисленных устриц в поэзии и прозе, то, возможно, выделили бы две главные «категории» — «вкусные» и «философские» моллюски. Первые часто служили «этикеткой» или метафорой изысканного вкуса, чувства комфорта (наиболее яркий пример — устрицы Северянина). Вторые — метафорой воображения (Кюхельбекер), мысли поэта (Анненский), жизни (Вяземский) или болезни (Тургенев). Для этой второй группы актуальными свойствами устрицы являлись ее «мимолетная» свежесть, замкнутость (раковина), самодостаточность, неподвижность, полная зависимость от окружающей среды. [...] Еще одно свойство устриц, актуальное для их философского истолкования — потрясающая живучесть. (325—327)

⁵ «Но мы, ребята без печали, / Среди заботливых купцов, / Мы только устриц ожидали / От цареградских берегов. / Что устрицы? пришли! О радость! / Летит обжорливая младость / Глотать из раковин морских / Затворниц жирных и живых, / Слегка обрызнутых лимоном». На связь пушкинских строк со стихотворением Ахматовой ранее указала Г. М. Темненко: «[...] знаменитые «На блюде устрицы во льду» из стихотворения «Вечером» (1913), воспринимавшиеся как поэтическая дерзость, все-таки не были дебютом устриц в русской поэзии. В «Евгении Онегине» они встречаются в отрывках из «Путешествия Онегина» в описании Одессы и времяпровождения одесских денди». (Темненко Г. М. «Роман в стихах и роман-лирика: к вопросу о влиянии творчества А. Пушкина на поэзию А. Ахматовой». *Культура народов Причерноморья. Научный журнал*. № 5. Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 1998, 54—72. Цитируется по: <http://www.akmatova.org/articles/articles.php?id=36>).

Несмотря на то, что круг литературных текстов, в которых затронута «устричная тема», очень обширен, внутри материала, относящегося к данной теме, можно выделить три основные парадигмы, три смысловых центра, к которым он тяготеет. Подчеркнем, что парадигмы, которые мы рассматриваем ниже, не являются изолированными: во многих случаях они могут накладываться друг на друга. Поэтому типологическая точка зрения представляется нам более удобной, нежели классификация.

Кроме того, различие устриц, употребляемых в пищу, и устриц, выращивающих жемчуг, принципиальное для биологии, часто несущественно для текстов культуры. В ряде случаев речь идет о более общем, родовом понятии: «моллюск», к примеру, может отождествляться с видовым «устрица» — это хорошо демонстрируют переводы, сделанные в разное время разными авторами. Далее, связанные с «устричной» темой элементы, как то — «раковина», «жемчуг» и имеющие обширную область самостоятельных значений, могут быть вовлечены в рассматриваемую тему как часть ее (например, устрица и ее раковина, устрица и спрятанный в ней жемчуг) и в этом случае также представляют для нас интерес.

Наиболее обширный круг исследований, в которых тема устриц обсуждается в различных контекстах, сложился в европейской и американской традиции, русские источники в этих исследованиях не затрагиваются. Статьи в словарях и энциклопедиях, посвященные символике устриц, нередко повторяют друг друга, оставаясь далеким от полноты.⁶

⁶ Один из первых попыток дать обобщенное представление об устрицах — Philpots, John Richards. *Oysters, and all about them.* [...] London, 1890. В недавно изданной книге, посвященной «биографии устриц» (Rebecca Stott. *Oyster.* London, 2003. Библиография, 220—223), материал рассматривается в самых разных аспектах; довольно значительное место отводит теме устриц в истории культуры. В более кратком объеме интересный материал о символике раковин/устриц и ее воплощении в немецком языке: Klaus Schäfer. *Sprachliche Analyse zu «Muschel»:* <http://home.arcor.de/schaefer.sac/rwf/sdc/MUSCHEL.PDF>.

Традиционным источником сведений о символическом значении устрицы в системе европейской культуры являются многочисленные «символариумы» (например: *The bestiary: a book of beasts; being a translation from a Latin bestiary of the twelfth century, made and edited by T. H. White.* New York, 1960, 291 (Index). Filippo Picinelli. *Mundus Symbolicus* [...]. Tomus Primus. Lib. VI. Cap. XVI. Coloniae Agrippinae, 1687, 442—446) и словари/энциклопедии символов (Udo Becker. *The Continuum encyclopedia of symbols.* New York — London, 2000. Hans Biedermann. *Dictionary of symbolism;* transl. by James Hulbert. NY; Oxford, 1992. Jean Chevalier and Alain Gheerbrant. *A dictionary of symbols;* translated from the French. London, England; New York, N.Y., 1996. J. C. Cooper. *An Illustrated Encyclopedia of Traditional Symbols.* London, 1978. Andrew Dalby. *Food in the ancient world from A to Z.* London; New York, 2003. Jack Tresidder. *The Complete dictionary of symbols.* San Francisco, 2005. Ad de Vries. *Dictionary of symbols and imagery.* Amsterdam — London, 1974.

В нашей статье тема устриц рассматривается, прежде всего, в отношении к русской литературе дореволюционного периода.⁷ Понятно, однако, что изолировать эту тему от общеевропейской традиции, куда более давней и обширной, невозможно.

В России появление самого слова «устрицы» (первоначальная форма «устерсы», ставшая позднее просторечием), датируется довольно поздним временем — Петровской эпохой — по сведениям лексикографов, около 1724 г.⁸ Вместе с гастрономическим пристрастием европейцев к устрицам, русская культура заимствовала и культурную семантику устриц, сделав ее объектом собственной системы означивания.

Социальная парадигма

В историко-культурном плане поедание устриц связывается, прежде всего, с привилегированным социальным положением, являясь знаком роскоши, а также аристократизма, щегольства;⁹ в сатирической литературе пристрастие к устрицам рассматривается как нелепая экстравагантность и чрезмерная расточительность. Эта тема разрабатывалась древнеримской литературой и в русскую традицию вошла через переводы римских сатириков:

Невольников толпа вокруг служит пред столом,
Приходит сонм друзей, упившихся вином,
И то в единый пир, неиствывая, снедает,
Что воин целый век мечом приобретает.
Чего их алчна пасть не обратила в снедь!
Живой приходит скар, в сиканску пойман сеть;
Их устерсы пиры лукрински продолжают.
Потерей денег их, их глад возобновляют.

(Петрония Арбитра гражданская брань. Муравьев, 270)

[...] Изверг тот, урод, не человек,
Кто думает продлить бесчестьем свой век!
Пускай для них полет свой остановит время;

⁷ За исключением ст-ния О. Манделъштама *С миром державным я был лишь ребячески связан...*, написанного позднее, но в смысловом отношении связанного с этим периодом.

⁸ Смирнов, 300.

⁹ Противоположное значение — устрицы как еда для бедных — также встречается в художественной литературе и публицистике и отражает реальную ситуацию, складывавшуюся в разное время в разных странах (викторианская Англия, ранний период колонизации Америки).

Но жизнь, должайша жизнь без чести тяжко бремя!
Так жизни ль жертвовать, сим несколькими часам,
Тем самым, для чего и жизнь любезна нам?
Рубеллий! тот уж мертв, кто казни стал достоин,
Хотя он и поднесь над устрицами воин,
*(Сокращенный перевод ювеналовой
сатиры о благородстве. Дмитриев, 97)*

Ср. также:

Но ты, о бездна бездн и алчная пучина,
Каких нелепых дел и бешенства причина!
Когда наполнишь ты несытую гортань?
[...]
Однако знатна часть блаженством называет.
Не весело ль тому, кто век в том провождает!
Накупит раков он, о, коль изрядный вкус!
Возможно б за один дать сто червонных ус,
Не стыдно за клешню имения лишиться,
За целого не жаль и с домом заложиться.
Он устерсы почтил для дорогости их,
Не зная, сладость в них отменна ль от других.
(На ослепление страстями. А. И. Дубровский)¹⁰

Пример сатирического изобличения пагубного с точки зрения общественного блага пристрастия к устрицам содержится в главе *Спасская Полесь* радищевского *Путешествия из Петербурга в Москву*: чрезмерность гастрономических увлечений «государева наместника» приводит его к злоупотреблению служебным положением.

Отметим, что в *Путешествии Онегина* о модном гастрономическом пристрастии к устрицам Пушкин упоминает дважды: кроме уже приведенного выше отрывка, в последующей части *Путешествия* он пишет в сниженном стилевом ключе:

А я от милых Южн<ых> дам
От <жирных> устриц черноморских
От оперы от темных лож
И слава богу от вельмож
Уехал в тень лесов Т<ригорски>¹¹

Русская демократическая литература XIX века, развивает традицию критики «устричного» гурманства как бессмысленной причуды

¹⁰ *Поэты XVIII века*, I, 148—149.

¹¹ Пушкин, VI, 207

богатых, как устаревшего аристократического предрассудка, чуждо-го народной жизни:

— Я не люблю устриц. — Полно, милый друг! Стыдись говорить! Как можно светскому человеку — не есть устриц? На что это похоже? — Я не могу. — Ну, для меня, начни же! — Я чувствую к ним отвращение. — Вздор! Надобно только привыкнуть. (*Человек с высшим взглядом, или как выйти в люди.* Е. П. Гуляев)¹²

[...] господа большой руки, живущие в Петербурге и Москве, проводящие время в обдумывании, что бы такое поесть завтра и какой бы обед сочинить на послезавтра, и принимающиеся за этот обед не иначе, как отправивши прежде в рот пилюлю; глотающие устерс, морских пауков и прочих чуд, а потом отправляющиеся в Карлсбад или на Кавказ. (*Мертвые души.* Т. 1. Гоголь, VI, 61)

Дядя мой, Увар Захарыч, жил в Москве вельможей, имел свой крепостной оркестр из женщин и съедал ежедневно по пятисот устриц. (*Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова.* Лейкин, 150)

[...] теперь борода есть только вывеска уважения к преданиям старины, к обычаям сословия; иной не решается ее сбрить, как и есть в первый раз устриц: ему смешно своего страха, а все не решается. (*Рецензия на «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» И. Голикова.* Белинский, V, 143)

Эта слабость, эта мания к красотам высшего света с его устрицами и сторублевыми арбузами на балах [...]. (*Дневник писателя. 1876 год.* Достоевский, XIII, 125)

Мы едим устриц, а мужики — лебеду. Мы от праздности едва не на стену лезем, а у мужиков рубаха от поту не просыхает... (*Издаেলা и вблизи.* Успенский, 455)

¹² Цитируется по: Е. В. Лаврентьева, *Светский этикет пушкинской поры.* 1999, 543. Приведенный здесь фрагмент указывает и на «обратную» точку зрения: не любить устриц, не знать в них толк — значит обнаружить свою несветскость, провинциальность. Ср.: «— Любите вы устрицы? — спросили раз у одного провинциала, приехавшего в Петербург. — Ах, очень! — воскликнул он, стараясь соорудить физиономию человека, понимающего толк в 'хороших вещах', — только... что у них внутри?.. Ведь морская вода, не правда ли?..» (Билибин В. В. Сережки. — *Любовь и смех.* Веселый сборник. Соч. М. Грэк. СПб., 1882. С. 63. Цитир. по: Чехов А. П. *Полное собрание сочинений и писем в 30 тт.* Т. 3. Примечания. М., 1975. С. 566—567).

Отсюда демократизм поведения предполагает нелюбовь к устрицам (последним обычно противопоставляется «простая» еда):

— Что мне делать с Нечаевым-Мальцевым? — жаловался отец матери после каждого из таких завтраков, — опять всякие пулярды и устрицы... Да я устриц в рот не беру, не говоря уже о всяких шабли. Ну, зачем мне, сыну сельского священника — устрицы? А заставляет, злодей, заставляет! (*Музей Александра III*. Цветаева, II, 200)¹³

Ср. также в *Анне Карениной* сцену обеда, на который Стива Облонский приглашает Левина.

То, что русскому демократу, интеллигенту не полагалось любить устрицы, было тонко подмечено Л. Я. Гинзбург:

Привилегированные люди русской культуры ели, конечно, устриц и икру, но при этом стыдились и каялись и оплакивали тех, кому не хватало хлеба (Гинзбург, 113).

Еще одной мотивировкой нелюбви к устрицам становится их «нерусскость»: поедание устриц — иностранная выдумка, чуждая русской национальной/православной традиции).

Тогда-то устрицы го-гу,¹⁴
Всех мушелей¹⁵ заморских грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чем окормляют нас Французы,
(*Похвала сельской жизни*. Державин, 272)

Улита: Сказывают, что у вас в Питере едят лягушек, черепах и какие-то еще устрицы.

Добромыслов: Устрицы и я ел и дети, а лягушек не ел.

Улита: Ахти! вкушали эту погань! Да не кушали ли мяса в пост?

Добромыслов: Грешные, сударыня, люди. В Петербурге без того обойтись не можно.

Улита: О боже мой, до чего дожили. А все проклятые французы да немцы — впустили в православную Русь свою

¹³ Ю. С. Нечаев-Мальцев — хрустализаводчик, меценат, основной жертвователь средств на создание музея.

¹⁴ франц. haut-goût — высокий вкус.

¹⁵ нем. die Muschel — раковина.

ересь. (Так называемый *ранний Недоросль*. Фонвизин, II, 606—607)¹⁶

Подципа: Конечно, государь, мне много б было славы!
Но вспомни, что у нас совсем различны нравы:
Ты любишь устрицы, а я их не терплю;
Противны сочни вам, а и их смерть люблю. [...]
Ты всяку дрянь рад есть, находишь вкус в лягушках,
А я у матушки выросла лишь на ватрушках;
(*Подципа (Трумф)*). Крылов, II, 190)

Я не бывал за границей, но легко могу вообразить себе положение россиянина, выползшего из своей скорлупы, чтобы себя показать и людей посмотреть. Все-то ему ново, всего-то он боится, потому что из всех форм европейской жизни он всецело воспринял только одну — искусство, не обдирая рта, есть артишоки и глотать устрицы, не проглатывая в то же время раковин. (*Русские «гуляющие люди» за границей*. Салтыков-Щедрин, VII, 86—87)

Таким образом, эмоциональное отношение к устрицам — чрезмерное пристрастие, отвращение, страх — в литературе чаще всего мотивировано определенными социокультурными обстоятельствами.

На рубеже XIX—XX вв. демократическая критика «устрицелюбия» была спроецирована на «модную новинку» — декаданс: «Артишоки, декаденты и устрицы — не по вкусу мне» (*Жизнь Клима Самгина*. Горький, II, 273).

Пристрастие к устрицам как признак утонченности вкуса является частью сатирического образа невежественного обывателя, стремящегося соответствовать моде. С этой точки зрения обращение Игоря Северянина к «устричной» теме¹⁷ становится объектом «критики слева»; эстет Северянин в ней представлен и как «упадочный» поэт, и как равнодушный филистер:

О поэзии Игоря Северянина вообще сказано много. У нее много поклонников, она великолепна для тех, чей круг желаний не выходит из пределов:

Пройтись по Морской с шатенками.

¹⁶ Принадлежность этого сочинения Д. И. Фонвизину оспаривается исследователями.

¹⁷ Рецензия на сборник Северянина *Вербена* в парижских *Последних Новостях* была названа *Устрицы в стихах*. — *Последние Новости*. 1921. 26 марта. № 286.

Но зачем-то ко всему этому притянута война? Впечатление такое: люди объаты героизмом, роют траншеи, правят полетами ядер, и вдруг из толпы этих «деловых» людей хорошенький голос: «Крем де виолет», «ликер из банана», «устрицы», «пудра»! Откуда? Ах да, это в серые ряды солдат пришла маркизантка. Игорь Северянин — такая самая маркизантка русской поэзии.

Вот почему для выжженной Бельгии, для страдальца Остенде у него только такие «кулинарные» образы:

О, город прославленных устриц!

(*Поэзоветер Игоря Северянина*. Маяковский, I, 338)

Сам Маяковский использует образ устрицы в поэтической филиппике, направленной против обывателей:

[...] вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.

(*Нате!* Маяковский, I, 56)

Даже тиф в Париже (в Париже сейчас свирепствует брюшной тиф) и то шикарный: парижане его приобретают от устриц. (*Париж: (Записки Людогуся)*. Маяковский, IV, 208—209)

В сборнике А. Аверченко *Веселые устрицы* ряд рассказов, осмеивавших мещан и декадентов, были восприняты К. И. Чуковским остро полемически. В статье *Устрицы и океан* критик утверждает, что «сверхчеловеческая» ненависть Аверченко и других «сатириконовцев» к «устрицам-обывателям» превратила их самих в принадлежность мира мещан. И мир этот, в описании Чуковского, вполне соответствует декадентской моде:

Иногда мне приходит в голову: уж не Байрон ли — редактор нашего «Сатирикона»? Уж не Генрик ли Ибсен? Может быть, это только пишется «Аркадий Аверченко», а читать надлежит: «Фридрих Ницше»?

В само деле, вы только подумайте, какая гордая ненависть к среднему, стертому, серому человеку, к толпе, к обывателю [...].

«Устрицы», «слизни», «мокрицы», «тли», — иначе и не именуется «Сатирикон» серых людей толпы. [...]

И то, что «устрицы» завели себе такой превосходный журнал, уж это одно знаменует, как они выросли нынче.

О, не следует думать, что нынче, как прежде, они наклонны к пасьянсам, севрюгам, к Бодаревскому, к Брешко-Брешковскому.

Теперь у них в кабинетах и Бэклин, и Штук, и матовые обои, и Бальмонт, — они любят теперь и прогресс, и Вампуку, и Гамсуна, и «равное», и «тайное», и скетинг-ринг, — словом все, что любит и «Сатирикон». (*Устрицы и океан*. Чуковский, VII, 513, 516)

В своем сатирическом коллаже Чуковский соединил различные индикаторы культуры декаданса, использовав устрицы еще и как антропоморфный образ.

Антропоморфная парадигма

В основе этой парадигмы лежит развернутое или свернутое сравнение (метафора), сопоставляющее облик, характер человека, его поведение со свойствами, внешним видом, характеристиками устрицы (по сходству или контрасту). Наиболее распространены значения, принадлежащие к сходным, в значительной степени пересекающимся семантическим полям: *молчаливость, немота; замкнутость, изолированность от жизни; отсутствие эмоций, равнодушие; неподвижность, инертность*. В ряде европейских языков слова *устрица/раковина/моллюск* имеют фигуративные значения, входят в состав пословиц и поговорок:

Se fermer comme une huître: se replier sur soi. (Grand Robert, V, 275)

Par référence à l'immobilité de l'huître qui reste fixée a son support, ou plus général à son mode de vie. (Trésor, IX, 972)

Fraasi proverbiali: *attacarsi, essere attaccato come un'ostrica allo scoglio*, essere legato fortemente a una persona, a una luogo, non volersene separare; meno com., *esser chiuso come un'ostrica*, di persona di carattere chiuso o che mantiene un'ostinato silenzio su ciò che le si chiede. (Lessico Italiano, XV, 590)

Close mouthed as a clam. (Wilstach, 60)

clam [...] U.S. A term of contempt; one who is, in New England phrase, 'as close as a clam'. 1871 Mark Twain *Sketches* [...] It will be lost on such an intellectual clam as you. *Ibid.* 54 No meddling old clam of a justice dropped in to make trouble. [...] *slang* (chiefly U. S.). To shut up; be silent. Also *to clam up on*: to refuse to talk to (someone). (Oxford dictionary, III, 263—264)

Эти значения в качестве метафор/сравнений часто встречаются у западно-европейских и американских писателей:

Увлеченный молодостью и опасными примерами, Жуан — как и следовало предположить — начал вести с этого времени уже очень рассеянную жизнь, что весьма дурно, потому что, не говоря уже о том, что подобного рода жизнь лишает нас свежести чувств — она, сверх того, связываясь неразрывно со всеми пороками нашей слабой плоти, делает нас эгоистами, заставляя душу прятаться в самую себя, как прячется устрица в свою раковину. (*Дон Жуан*. Байрон, III, 252)¹⁸

[Скрудж] Да, он был холоден и тверд, как камень, и еще никому ни разу в жизни не удалось высечь из его каменного сердца хоть искру сострадания. Скрытный, замкнутый, одинокий — он прятался как устрица в свою раковину. (*Рождественская песня в прозе*. Перев. Т. Озерской. Диккенс, VIII, 8)

[Скрудж] Холодный и жесткий, как камень, из которого никогда никакая сталь не высекала искры великодушия, скрытный, угрюмый, непреклонный, он прятался в скорлупу своего эгоизма, как улитка в свою раковину. (*Гимн Рождеству*. Перев. М. А. Шишмаревой. Диккенс, XXIX, 145)¹⁹

Я не сомневался, что очень скоро газетчики нападут на верный след, и написал мистеру Дикинсону, чтобы он в случае чего молчал как устрица.²⁰ (*Из Автобиографии*. Твен, VIII, 242)

Те же значения широко представлены и в произведениях русской литературы:

В фельетоне 30-го номера «Сев. Пчелы» (1830), выставив, будто бы из английских журналов, двух французских писателей, [Булгарин] говорит об одном: «Он природный француз, служащий усерднее Бахусу и Плутусу, нежели музам, который

¹⁸ About this time, as might have been anticipated,
Seduced by youth and dangerous examples,
Don Juan grew, I fear, a little dissipated;
Which is a sad thing, and not only tramples
On our fresh feelings, but — as being participated
With all kinds of incorrigible samples
Of frail humanity — must make us selfish,
And shut our souls up in us like a shell-fish.

(*Don Juan*. Byron, 175)

¹⁹ [Scrooge] Hard and sharp as flint, from which no steel had ever struck out generous fire; secret, and self-confident, and solitary as an oyster. (*A Christmas Carol*. Dickens, 15).

²⁰ Интересно сравнить этот перевод с оригиналом: «I knew the reporters would get on the right track very soon, so I wrote Mr. Dickinson and warned him to keep his mouth hermetically sealed.» (Twain, *Autobiography*, II, 338).

в своих сочинениях не обнаружил ни одной высокой мысли, ни одного возвышенного чувства, ни одной полезной истины, у которого сердце холодное и немое, существо как устрица, а голова род побрякушки, наполненной гремучими рифмами [...]. (*Записки о моей жизни*. Греч, 448)

— В самом деле, — молвил он с горькою улыбкою, — я знал не более устрицы о нравах света в корабле своем! (*Фрегат «Надежда»*. Бестужев-Марлинский, II, 104)

Ну, глуп отец, одним словом, а он умен; тут же при мне и при двух сестрах, очень почтенных женщинах, монастыри обругал, назвал нас устрицами, приросшими к своим раковинам. (*Некуда*. Лесков, II, 25)

Ты — устрица... Весь век в своей раковине. А я не могу. (*Глафирина тайна*. Михаил Альбов, 71)²¹

И ему хотелось перестать быть устрицей хотя на один час; хотелось заглянуть в чужой мир, увлечься тем, что не касалось его лично, поговорить с посторонними для него людьми, хотя бы с этим толстым инженером или с дачницами, которые в вечерних сумерках все были так красивы, веселы, а главное молоды. (*Расстройство компенсации*. Чехов, X, 229)

Молчит, как устрица, на полтора аршина
К нему не подойти — почетный караул.
Тут что-то кроется, должно быть, есть причина.
<...> напугал и уснул.

(*Стихи памяти Андрея Белого*. Мандельштам, III, 333)

Кроме уже указанных Р. Д. Тименчиком источников высказывания И. Анненского («Будьте этим моллюском в раковине, который видит сон и которому не стыдно, что он ничего не знает о лежащем на нем океане») — слов И. С. Тургенева и стихов Вяземского *К лагунам, как frutti di mare ...*, И. Винницкий называет следующие строки из романа Оноре де Бальзака *Шагреновая кожа*:

Причуда умирающего! Стать одной из устриц этой скалы, обмануть смерть и спасти хоть на несколько дней дольше свою раковину казалось ему идеалом человеческого существования, единственной истинной жизнью. (Винницкий, 328)

²¹ *Мир Божий*. 1903. Март. Т. 12.

Подобные высказывания мы встречаем и в других произведениях Бальзака:

[...] люди старые, чье любопытство он [Горио] мог бы пробудить, не выходили за пределы своего квартала и жили в пансионе, как устрицы, приросшие к своей скале. (*Отец Горио*. Бальзак, II, 12)²²

В таком утрюмом обиталище сразу угасала бойкая игривость какого-нибудь светского повесы, еще раньше чем он входил к моему соседу; дом и его жилец были подстать друг другу — совсем как скала и прилепившаяся к ней устрица. (*Гобсек*. Бальзак, II, 252)²³

Ср. также в письмах Гюстава Флобера:

Ну, а что до новостей, я ничего не знаю, потому что живу как медведь, как устрица в раковине. Кстати об устрице, я недавно прочитал у Шекспира, что душа — это устрица, заключенная в теле, своей раковине, которую она с трудом тащит. (Эрнесту Шевалье. 13 августа 1845. Флобер 1984, I, 63)²⁴

Я живу совершенно, как устрица. Мой роман — скала, к которой я прилепился, и я не знаю, что творится на белом свете. (Жорж Санд. 9 сентября [1868]. Флобер 1938, VIII, 230)²⁵

Повторяющуюся в письмах Флобера фразу «живу как устрица» мы находим и в его письме к Тургеневу, что лишний раз подтверждает расхожесть этого афористического сравнения:

Ничего не читаю. Живу, словно какая-нибудь устрица. (И. С. Тургеневу. 3 октября [1875]. Флобер 1984, II, 161)²⁶

²² [...] les vieilles gens dont la curiosité s'éveilla sur son compte ne sortaient pas du quartier et vivaient dans la pension comme des huîtres sur un rocher. (*Le Père Goriot*. Balzac, XXI, 33)

²³ A ce triste aspect la gaieté d'un fils de famille expirait avant qu'il entrât chez mon voisin: sa maison et lui se ressemblaient. Vous eussiez dit l'huître et son rocher. (*Gobseck*. Balzac, X, 378)

²⁴ Eh bien! des nouvelles, je n'en sais guère, car je vis comme un ours, comme une huître à l'ecalle. À propos d'huître, j'ai lu tantôt dans Shakespeare que l'âme est une huître enfermée dans le corps, qui est son ecalle, qu'elle traîne avec peine. (À Ernest Chevalier. 13 août 1845. Flaubert, XII, 459)

²⁵ Je vis absolument comme une huîtres. Mon roman est le rocher qui m'attache, et je ne sais rien de ce qui se passé dans le monde. (À George Sand. 9 septembre [1868]. Flaubert, XIV, 439)

²⁶ Je ne lis rien. Je vis comme une huîtres. (À Tourgueneff. 3 octobre [1875]. Flaubert, XV, 413)

Интересно, что в викторианской Англии представление об устрицах служило примером/аргументом при обсуждении двух противоположных точек зрения на природный мир — как неподвижный и неизменный, руководимый Божьим предустановлением, либо — как вечно меняющийся.²⁷ Необходимость в развитии и способность организмов к совершенствованию рассматривались как прогресс вида, а отсутствие таковых — как деградация. В своем исследовании, развивающем идеи дарвинизма, Эдвин Рэй Ланкестер²⁸ называет устриц в числе физически дегенерировавших живых существ (37; 56), сравнивая их с привилегированными представителями человеческого общества, паразитическое существование которых также приводит к деградации. (33)

Среди оценочных метафор одной из наиболее распространенных является представление об устрице как о чем-то простом/примитивном; сюда же относится сравнение *глуп как устрица*:

Huître. [...] Personne sotte, stupide: *Toutes les huîtres phraseuses des journaux ont vomi leurs fonds d'écriture* (Valéry).²⁹ (Grand Larousse de la langue française en six volumes. T. 3. Paris, 1973, 2472)

Prov. et fig., *C'est une huître à l'écaille, se dit D'une personne très stupide. Chanter, raisonner, jouer comme une huître.* Chanter, raisonner, jouer très-mal. (Dictionnaire de l'Académie, I, 906)

«As mad as a hatter» is really a corruption of the French, «Il raisonne comme une huître» — he reasons like an oyster [...]. (Proverb Lore, 192)

Dumb as an oyster. (Wilstach, 106)

Пистоль: Пусть устрицей мне будет этот мир./Его мечом я вскрою! (*Виндзорские насмешницы*. Шекспир, IV, 286)³⁰

Бенедикт: Клятвы не дам, что любовь не превратит меня в устрицу. Но в одном клянусь смело: пока я еще не стал устри-

²⁷ Подробнее об этом, включая литературу вопроса — Stott, 116–125.

²⁸ Труды английский естествоиспытателя Эдвина Рэя Ланкестера (Edwin Ray Lankester, 1847–1929) не только были широко известны в научной среде, но и повлияли на современную ему публицистику и, в некоторой степени, на литературу (в частности, на фантастические романы Артура Конан Дойла). Эдвин Рэй Ланкестер был известен в России.

²⁹ Цитата из Поля Валери приведена здесь по следующему изданию: Paul Valéry. *Lettres à quelques-uns*. Larousse, 1952, 11.

³⁰ Pistol. Why, then the world's mine oyster. / Which I with sword will open. (*The Merry Wives of Windsor*. Shakespeare, 120)

пей, подобным глупцом любовь меня не сделает. (*Много шума из ничего*. Шекспир, IV, 529)³¹

Вчера я обедал у Олимпиады Барятинской... Бедная женщина, столь законченная в своей ничтожности, не подозревала, какое впечатление она на меня производит. И все окружение было ей под стать. Что за несуразные создания! Какая-нибудь устрица и та потешалась бы, на них глядячи. (Письма. Тютчев, VI, 173)³²

Другое в оценочном смысле значение содержится в сравнении *устрица/раковина (жемчуг/раковина) — содержание/форма*. С этой точки зрения природа человека может рассматриваться как антитеза *душа/телесная оболочка*. Например, в «Федре» Платона (современный перевод, выполненный А. Н. Егуновым):

Допущенные к видениям непорочным, простым, неколебимым и счастливым, мы созерцали их в свете чистом, чистые сами и еще не отмеченные, словно надгробием, той оболочкой, которую мы теперь называем телом и которую не можем сбросить, как улитка — свой домик. (Сочинения II, 186)

В более раннем переводе:

[...] посвящаемыя съ созерцаемъ въ чистѣйшемъ блистаніи зрѣлица непорочные, чистые, неизмѣняемые и блаженные, будучи и сами мы чисты, непорочны и разрѣшены отъ сея нынѣ нами на себѣ носимыя плоти, въ которую заключены есмы на подобіе устрицы. (*Творений Велемудраго Платона...*, 192)³³

Ср. также:

Донгинъ: [...] Это раковина или черепашка или устрица. Откушай ее, она говорит самое премудрѣйшее: *ищи себе внутрь себе*. Все ея добро внутри черепа сохраняется. [...]

³¹ Benedick. I will not be sworn, but love may transform me to an oyster; but I'll take my oath on it, till he have made an oyster of me, he shall never make me such a fool. (William Shakespeare. *Much Ado About Nothing*. Shakespeare, 272)

³² В оригинале: «Hier je dînais chez Olympe Variatinsky... La pauvre femme, si achevée dans sa nullité, ne se doutait guères de l'impression qu'elle produisait sur moi. Et tout l'entourage était à l'avenant. Ah quelles sottises gens! Elles donneraient de l'ironie à une huître.» (Тютчев, VI, 170)

³³ В оригинале — ὀστρέου.

Григорій: А дабы я Бога искаль внутрь себе сааго, къ сему оправляеть мене устрица моя. (*Разговоръ, называемый алфавит или букварь мира*. Сковорода I, 363—364).

Но мне обыкновенно казалось, что Гамлет, красиво и гениально рисуя пороки и легко вскрывая чужие души, точно бы это были устрицы, всегда что-то не договаривает в личных откровениях. (*Вторая книга отражений*. Анненский, 170)³⁴

Чичиков на хозяйку не обратил <вниманья>. Ему было интересно рассмотреть жилище этого необыкновенного человека. Он думал отыскать в нем свойства самого хозяина, — как по раковине можно судить, какого рода сидела в ней устрица или улитка. (*Мертвые души*. Т. 2. Гоголь, VII, 187)

Метафора *устрица/раковина* — *содержание/форма* — *душа/телесная оболочка* является основой символа, получившего широкое распространение в самых разных типах текстов: в художественной литературе, философии, христианской экзегетике, гностицизме. Так, сравнение *Христос* и *Дева Мария* как *драгоценная жемчужина, спрятанная в раковине*, становится символом, сохраняющим при этом дополнительные/варирующие смысловые оттенки. Сложившееся еще в античной культуре представление о том, что небесная роса, проникающая в раковину устрицы, оплодотворяет ее, в христианской символике рассматривалось как параллель образа непорочного зачатия, а раковина — как символ Девы Марии.³⁵

Этот символ разрабатывается не только в отношении к новозаветному сюжету о рождении Христа, но и в более общем теологическом смысле. С этой точки зрения интересно толкование гностиков, согласно которому «жемчужина» является аллегорией «души», и то, что жемчуг — важная составляющая гностического мифа — скрыт внутри устричной раковины и спрятан на глубине, делает эту аллессию более емкой, перерастающей ее собственно нравоучительное значение. Так, в развернутой аллессии «Святой Церкви» капли дождя, падающие в море, в устричных раковинах превращаются в жемчуг; ныряльщики достают его со дна и отдают купцам, а купцы — королям. Дождевая влага несет в себе начальную субстанцию,

³⁴ Аллессия на вышеприведенную строку из *Виндзорских насмешниц*: «Пусть устрицей мне будет этот мир. / Его мечом я вскрою!»

³⁵ „Biblical exegesis took note on the anthropomorphic aspect of the story and established a parallel between the impregnation of the oyster and that of the Virgin by the Holy Spirit, hence suggesting that the shell should be seen as a symbol of Mary“. (Malaguzzi, 170). Ср. также: McCulloch, 154.

субстанцию Души; устричная раковина — это человеческая плоть, в которой Душа возрастает подобно жемчугу; ныряльщики сравниваются здесь с апостолами, купцы — с небесными светилами (луной и солнцем в манихейском мифе), короли и знатные особы с эонами Величия.³⁶

Показательный пример соединения социального и антропоморфного значений содержится во фрагменте из дневника М. М. Пришвина:

С некоторого времени человечество стало на путь моллюсков выпускающих из себя сок для раковины, — таким соком была для человечества его односторонняя интеллектуальная деятельность которая привела к механизации жизни, создавая для нее броню, как у моллюсков раковина. Говорят, что был момент страшной опасности для животного — оцепенеть, как растение, весь животный мир мог закрыться от жизни вселенной раковинами и оцепенеть. Такой же опасностью для жизни представляется мне капитализм и его продолжение социализм, создающее из homo — homo faber, т. е. существо, делающее орудия производства.

Перед животным миром, который начал было уже закрываться раковинами, стояла альтернатива: или закрыться, или вступить со своею жизнью в борьбу. [...] Дух человечества разделся на две половины: одна половина человечества (консер-

³⁶ In the glossary of Gnostic symbolism, „pearl” is one of the standing metaphor for the „soul” in the supernatural sense. [...] The fact of the pearl’s being enclosed in an animal shell and hidden in the deep may have been among the associations that originally suggested the image. [...] the allegorical meaning of the Pearl itself is too firmly established in Gnostic myth [15] to allow of its being dissolved into a mere moral function [...].

15. Cf., e. g., the extensive allegory of the „Holy Church” in the Manichaean *Kephalaia* (204), which may be summarized thus: The raindrop falls from above into the sea and forms in the oyster-shell into a pearl; the divers descend into the depth of the sea to bring up this pearl; the divers give it to the merchants, and the merchants give it to the kings. The allegory then equates: the raindrop — with the spoil that was carried of is the beginning, i. e., the living Soul; the oyster-shell — with the flesh of mankind in which the Soul is gathered and laid up as pearls; the divers — with the apostles; the merchants — with the enlighteners of the heavens (sun and moon as agents in the Manichaean myth), the kings and nobles with the Aeons of the Greatness. Cf. Mathew 13:45 f. A Mandaean example should be added: „The treasurers of this world assembled and said ‘Who has carried away the pearl which illuminated the perishable house? Is the house which it left the walls cracked and collapsed’ ” (G 517): the „house” may be the body but is more probably the world, in which case the „pearl” is the general soul or the sum of all souls (whose removal according to Mani leads to the world’s collapse), and this should also be the meaning of the Pearl in our poem. (Jonas, 125–127).

Ср. отзыв этого сюжета: „These pearls grew within the shells of big oysters, and the people raked the oysters from their watery beds, sought out the milky pearls and carried them dutifully to their King.” (Baum, II, 138)

вативная) до сих пор протестует против войны миру и скорее готова уйти в раковину моллюска, чем воевать, другая половина (прогрессивная) неудержимо стремится подчинить себе все живое, растворить в механике живую индивидуальность и превратить мир в громадную фабрику.

[...] Социалисты как высшие представители homo faber'a отличаются от моллюсков тем, что создают не индивидуальную, как те, раковину, а общую или коллективную. [...] Создавая коллективную раковину, homo faber сам уходит в свою постройку, и со стороны видно, что этот homo faber вовсе не есть homo, скорее, тот сок, выделяемый моллюском, который уходит на раковину. Сам моллюск остается сидеть внутри ее: консервативная и прогрессивная партии делают, в сущности, одно и то же дело громадного оцепенения мира жизни под раковиной. (*Дневники*, 222)

Эротическая парадигма

Пристрастие к устрицам или страх/отвращение к ним нередко связываются с эротическим подтекстом. Вообще, присутствие темы устриц и эротических мотивов в пределах одного текста (особенно если речь идет о «смысловой тесноте» лирического стиха) подчеркивает их взаимосвязь.

Устрица как эротический символ — один из наиболее распространенных и устойчивых в системе культуры.³⁷ В античной мифологии образ Афродиты/Венеры, рожденной из морской пены и вынесенной на берег в морской раковине связывается с эротически амбивалентным ореолом: с одной стороны, понятийная система символа включает аналогию с женскими гениталиями, с женским лоном, с другой, представление об устрицах как об афродизиаке относится к сфере мужского эротизма.

Античная символика использовалась и впоследствии: см., например, изображения раковины моллюска в центральной части триптиха *Сад земных наслаждений* Иеронима Босха (1) и в цикле графических работ Питера Брейгеля *Семь смертных грехов. Сладострастие* (2), символизирующие вождение. (Gibson, 81)

³⁷ Этот символ присутствует и в др. культурах (страны Азии, Латинской Америки), но в данном случае мы ограничиваемся рассмотрением европейской традиции. Материал, дающий представление об устрицах как эротическом символе, содержится в целом ряде указанных выше «символяриумов» (к примеру: Ad de Vries, Udo Becker); см. также: Mazzio, 64—66. Наиболее подробные указания со ссылками на источники и цитатами из них можно найти здесь: Williams, 982—983.

1.

2.

В голландской живописи XVII века изображение устриц связывается с плотской страстью. (Cheney, 135—158) Устрицы как эротический символ были использованы в языке натюрморта и жанровой живописи (изображение любовных игр, сценки в борделе и т. п.): здесь изображение устрицы представляют собой аллюзию на чувственные удовольствия (наслаждение едой, питьем, любовью), противостоящие быстротечности жизни и мимолетности счастья. Хрупкость устричных раковин должна напоминать о хрупкости человеческого бытия.³⁸

Результатом переосмысления дохристианской эротической символики явилась уже упомянутая нами параллель «Дева Мария/Христос» — «раковина/жемчужина», приобретающая устойчивость символа. (Picinelli, 207, 229)

Исидор Севильский в «Этимологиях» отмечает связь устриц, а также моллюсков, производящих жемчуг, с женским продуцирующим началом:

³⁸ Ряд примеров из голландской живописи XVII века, использующих изображение устриц в качестве смыслообразующего элемента, рассматриваются в книге Ребекки Стотт. (Stott, 132—143)

Существует много видов моллюсков, к которым относятся и «жемчужницы» (*margaritiferae*), называемые еще «celoe»: в их теле вырастает драгоценный камешек. О жемчужницах авторы, пишущие о природе животных, сообщают, что ночью эти моллюски устремляются к берегу и от небесной (*coelesti*) росы начинают жемчужины, потому они и названы «celoe». [...] Устрица (*ostrea*) названа по «раковине» (*testa*), с помощью которой она защищает нежную плоть своего тела. По-гречески раковину именуют *βοτρυαα*. С точки зрения грамматики, слово «устрица» — среднего рода, плоть же ее — женского. (Исидор Севильский, 334)³⁹

Кроме того, «устричный эротизм» получил свое развитие и в литературных произведениях, трактовавших тему то в изящной куртуазной манере, то с грубоватой фривольностью:

As Oyster Nan stood by her Tub,
To shew her vicious Inclination;
She gave her noblest Parts a Scrub,
And sigh'd for want of Copulation:
A Vintner of no little Fame,
Who excellent Red and White can sell ye,
Beheld the little dirty Dame,
As she stood scratching of her Belly.
Come in, says he, you silly Slut,
'Tis now a rare convenient Minute;
I'll lay the Itching of your Scut,
Except some greedy Devil be in it:
With that the Flat-capt Fusby smil'd,
And would have blush'd, but that she cou'd not;
Alass! says she, we're soon beguil'd,
By Men to do those things we shou'd not.
From Door they went behind the Bar,
As it's by common Fame reported;
And there upon a Turkey Chair,
Unseen the loving Couple sported;
But being call'd by Company,
As he was taking pains to please her;

³⁹ Concharum multa genera sunt, inter quas et margaritiferae, quae oceloe dicuntur, in quarum carne pretiosus calculus solidatur. De quibus tradunt hi qui de animantium scripserunt naturis, eo quod nocturno tempore litora appetant, et ex caelesti rore margaritam concipiunt. Unde et oceloe nominantur. [...] Ostrea dicta est a testa, quibus mollities interior carnis munitur; Graeci enim textam ostrum vocant. Ostrea autem neutro, carnes eius feminino genere dicuntur. (Isidore, 213)

I'm coming, coming Sir, says he,
My Dear, and so am I, says she, Sir.
Her Mole-hill Belly swell'd about,
Into a Mountain quickly after;
And when the pretty Mouse crept out,
The Creature caus'd a mighty Laughter:
And now she has learnt the pleasing Game,
Altho' much Pain and Shame it cost her;
She daily ventures at the same,
And shuts and opens like an Oyster.

(As *Oyster Nan stood by her Tub*. D'Urfey, 107—108)

Charming oysters I cry:
My masters, come buy,
So plump and so fresh,
So sweet is their flesh,
No Colchester oyster is sweeter and moister:
Your stomach they settle,
And rouse up your mettle:
They'll make you a dad
Of a lass or a lad;
And madam your wife
They'll please to the life;
Be she barren be she old,
Be she slut or be she scold,
Eat my oysters and lie near her,
She'll be fruitful never fear her.

(*Oysters*. Swift, II, 113)

В английском языке появление у слова «устрица» жаргонного значения «вагина» датируется 1707 г. (Partridge, II, 1430). В немецком языке для слова *Muschel* (моллюск, раковина) значение «vulva» зарегистрировано под 1704 г. (Grimm, VI (12), 2732) Эротический или/и обценный подтекст слова «устрица» получает распространение, сочетаясь с другими значениями слова, также жаргонными, принадлежащими сниженному языковому стилю:

Yes but what about oysters. Unsightly like a clot of phlegm.
Filthy shells. Devil to open them too. Who found them out?
Garbage, sewage they feed on. Fizz and Red bank oysters. Effect on
the sexual. Aphrodis. (Joyce 1960, 222)⁴⁰

⁴⁰ А как же тогда устрицы. Мерзкий вид. Как густой плевок. Грязные раковины. Вдобавок чертовски трудно открыть. Кто их придумал есть? И кормятся разной дря-

Насколько мы можем судить, присутствие эротической парадигмы в текстах русской литературы не так заметно, возможно, в силу большей табуированности эротической темы; количество известных нам примеров в данном случае существенно меньше относящихся к социальной или антропоморфной парадигмам:

Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и
устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа.
(*Мертвые души*. Гоголь, VI, 98)

В поэзии XIX века в любовной лирике часто используется образ раковины, однако без эротической эксплицитности приведенной цитаты из Гоголя:

В упоенном созерцании,
На граниты опершись,
Я недвижна; все мечтанья,
Все желанья слились
С дивной зыбью волн шумящих;
Мнится мне, — они зовут
В грот из раковин блестящих,
В недра мягкие влекут...
(*На взморье*. Ростопчина, 161)

Прекрасен перл, цветок морей,
Затворник раковин беспечный;
Но он прекрасней, нитью млечной
На шее мраморной у ней,
По груди пышно рассыпаясь
И в черных локонах теряясь.
(*Долин Евфратовых царицы...* Аполлон Майков, 76)

Мил мне жемчуг нежный, чистый дар морей!
В лоне океана, в раковине тесной.
Рос он одиноко, как цветок безвестный,
На обломках мшистых мертвых кораблей.
Бурею весенней выброшен со дна.
Он лежал в прибое на побережье диком,
Где носились чайки над водою с криком,
Где его качала шумная волна...
Мил мне жемчуг нежный на груди твоей!

ню, в сточных водах. Шампанское и устрицы с Ред бэнк. Имеет сексуальный эффект. Афроди. (Джойс 1993, 134)

Сладко упиваюсь юной красотой,
В светлом божьем мире я брожу мечтою, —
В небе, в блеске солнца, в тишине морей,
С перлами морскими под водой цвету,
Рассыпаюсь в рифах влагой голубою —
И одно есть счастье: разделить с тобою
Эту радость жизни, эту красоту!

(Мил мне жемчуг нежный... Бунин, 94—95)

Вместо «мягкой» эротики, характерной для поэзии XIX века, в модернистской литературе нач. XX века аллюзии становятся более откровенными:

Раскрылись створки устрицы стыдливой,
Я пью нектарность, алость, жгучесть губ.
Как бог благой, как дьявол горделивый,
Творю и рушу, в страсти нежно-груб.
Я нежно-грубой трепетной рукою
Сорвал запястья, по бедру скользя.
Ищу услышать с радостной тоскою
Слова пьянящие: «Оставь! Нельзя!»

(Тебе. Николай Шебуев)⁴¹

Потихоньку, лукаво над зеленым мхом росло, росло оранжевое солнце. И вот — буйно вверх, прямо над головою, и дышать — только ртом, как в тропиках. Неудержно переплетающиеся травы, судорожно вставшие к солнцу мохнатые стволы. Черно-оранжевые ветви басов, с нежной грубостью, всё глубже внутрь — и нет спасения: женщины раскрывались, как раковины, бросало Бога в жар от их молитв. *(Ловец человек. Замятин, I, 313)*

Некоторая ограниченность материала не означает, конечно, что устрицы как эротический символ нерелевантны для русской литературы, речь лишь идет о другом типе значимости, включающем европейские источники и осознаваемом на более обширном социокультурном фоне.

* * *

Представленная здесь типология позволяет судить не только о насыщенности темы устриц (мы, разумеется, ограничились количе-

⁴¹ *Весна. 1909. № 18, 4.*

ство приводимых примеров), но и видеть, что внутри обширного и разнообразного материала существует определенная смысловая «центростремительность». Конечно, представленные здесь парадигмы не дают (и не должны давать) универсальный ключ, механически «отпирающий» любой текст, в котором упоминаются устрицы. Однако, «грамматика» темы делает возможным рассмотрение того или иного материала в отношении к смысловой традиции.

В заключении мы обратимся к примеру двух ст-ний, для толкования которых важна обсуждаемая тема.

В ст-нии О. Мандельштама *С миром державным...* картина детства и детских переживаний представлена через отношение «я» к «миру державному»:

С миром державным я был лишь ребячески связан,
Устриц боялся и на гвардейцев смотрел исподлобья —
И ни крупницей души я ему не обязан,
Как я ни мучал себя по чужому подобию. (III, 43)

Данное здесь определение «*ребячески связан*» связывает воедино два оттенка значений: характеристику действия («поверхностно, неглубоко») и указание на возраст («детство»). Связанные во второй строке сочинительным союзом *страх устриц и гляденье на гвардейцев*, на наш взгляд, не предполагают здесь единого, обобщенного взгляда на державный мир как на мир «старый, чужой и опасный» (Виницкий, 327).

В *Шуме времени* свою связь «с миром державным» Мандельштам назвал «ребяческим империализмом», и представлена она в этом произведении как наивно-детская, но никак не негативно окрашенная:

Случилось так, что раннее мое петербургское детство прошло под знаком самого настоящего милитаризма, и, право, в этом не моя вина, а вина моей няни и тогдашней петербургской улицы.

Мы ходили гулять по Большой Морской в пустынной ее части, где красная лютеранская кирка и торцовая набережная Мойки.

Так незаметно подходили мы к Крюкову каналу, голландскому Петербургу эллингов и нептоновых арок с морскими эмблемами, к казармам гвардейского экипажа.

Тут, на зеленой, никогда не еженной мостовой, муштровали морских гвардейцев, и медные литавры и барабаны потрясали тихую воду канала. Мне нравился физический отбор лю-

дей: все ростом были выше обыкновенного. Нянька вполне разделяла мои вкусы. Так мы облюбовали одного матроса — «черноусого» и приходили на него лично посмотреть и, уже отыскав его в строю, не сводили с него глаз до конца учения. Скажу и теперь, не обвиняясь, что, семи или восьми лет, весь массив Петербурга, гранитные и торцовые кварталы, все это нежное сердце города, с разливом площадей, с кудрявыми садами, островами памятников, кариатидами Эрмитажа, таинственной Миллионной, где не было никогда прохожих и среди мраморов затесалась всего одна мелочная лавочка, особенно же арку Главного штаба, Сенатскую площадь и голландский Петербург я считал чем-то священным и праздничным. (II, 350)

Что же касается «боязни устриц», то она проецируется на социальное значение темы: устрицы враждебны миру разночинца. Кроме того, здесь важна эмоциональная коннотация, относящаяся к мотиву страха, причем именно детского страха. Более полное объяснение мотив ст-ния Мандельштама получает при соотнесении с рассказом Чехова *Устрицы*:⁴²

— Папа, устрицы постные или скоромные? — спрашиваю я.

— Их едят живыми... — говорит отец. — Они в раковинах, как черепахи, но... из двух половинок.

Вкусный запах мгновенно перестает щекотать мое тело, и иллюзия пропадает... Теперь я всё понимаю!

— Какая гадость, — шепчу я, — какая гадость!

Так вот что значит устрицы! Я воображаю себе животное, похожее на лягушку. Лягушка сидит в раковине, глядит оттуда большими блестящими глазами и играет своими отвратительными челюстями. Я представляю себе, как приносят с рынка это животное в раковине, с клешнями, блестящими глазами и со склизкой кожей... Дети все прячутся, а кухарка, брезгливо морщась, берет животное за клешню, кладет его на тарелку и несет в столовую. Взрослые берут его и едят... едят живьем, с глазами, с зубами, с лапками! А оно пищит и старается укусь за губу...

Я морщусь, но... но зачем же зубы мои начинают жевать? Животное мерзко, отвратительно, страшно, но я ем его, ем с жадностью, боясь разгадать его вкус и запах. (III, 133)

⁴² В статье Г. А. Левинтона «Ремизовский подтекст в *Четвертой прозе*» (*Дотмановский сборник*. I, 609) в связи с детской боязнью устриц автор вспоминает в примечании «известный рассказ Леонида Андреева», что, вероятно, описка. Во всяком случае, такой рассказ Андреева нам не известен.

Голодающие отец с сыном оказываются около трактира, где господа в цилиндрах платят за устриц десять рублей. Ребенка пугают неизвестные ему морские твари, но голод оказывается сильнее страха и отвращения.⁴³

Тема ст-ния Манделъштама — детские впечатления — содержит и эротические мотивы: первые любовные переживания, смущение и разочарования. Целый ряд женских апеллятивов сменяют здесь друг друга: *цыганка, nereиды, тогдашние красавицы, нежные европейки, леди Годива*. Отрицаемое прошлое (*цыганка*) сменяется кажущимся спасительным «будущим» (*нереиды*), которое оказывается неутешительным (*тогдашние красавицы/нежные европейки*). В последней строфе названа *леди Годива*, а точнее — картинка с ее изображением,⁴⁴ причем смутно припоминаемая:

Не потому ль, что я видел на детской картинке
Леди Годиву с распущенной рыжею гривой,
Я повторяю еще про себя, под сурдинку:
«Леди Годива, прощай! Я не помню, Годива...»⁴⁵

В завершение вернемся к ст-нию Ахматовой *Вечером*, которое стало поводом для обращения к «устричной теме» и которому в значительной степени посвящены вышеназванные статьи Р. Д. Тименчика и Б. А. Каца.

Ст-ние в целом основывается на ряде смысловых антитез. Ко времени его написания устрицы как реалия, относящаяся к светской и декадентской утонченности вкуса, воспринимается как показная манерность. Ахматова нарочито «остранивает» это клише, сопоставляя его не «наслаждению», но «горю», глубоко личному, интимному. Подобным образом эротическая семантика темы включена здесь в контекст, подчеркнуто лишенный эротики, реализуя «минус-прием»: «Как не похожи на объятя / Прикосновенья этих рук. / Так глядят кошек или птиц».

⁴³ Вообще, болезненное желание устриц, соединенное с отвращением к ним, — мотив довольно характерный для устричной темы. Кроме собственно литературных источников, это было отмечено Эрнстом Фаррингтоном, известным фармакологом и гомеопатом, чьи труды публиковались в России в начале XX века: «Большому хочется, например, устриц, которые зачастую не переносятся им». (43)

⁴⁴ Наиболее распространенным изображением леди Годивы к тому времени была картина *Lady Godiva* Джона Кольера (John Colliers, 1898), репродукцию или олеографию которой мог вспоминать Манделъштам.

⁴⁵ Изображение обнаженной леди Годивы «с распущенной рыжею гривой» визуальнo ассоциируется с картиной Боттичелли *Рождение Венеры*: нагая богиня с распущенными рыжими волосами выплывает на берег в морской раковине.

Консонантные повторы в ст-нии были проанализированы Б. М. Эйхенбаумом, который сделал на основании этого анализа следующее заключение:

Центральное, основное значение слова, с каким оно существует в обычном словаре, ослабляется, а вместо него являются новые боковые смыслы, которые и придают слову особые смысловые оттенки. Это достигается как смысловыми воздействиями соседних слов, так и звуковой корреспонденцией, то есть чисто стиховым приемом.

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Слово «устрицы» насыщается здесь боковыми смыслами благодаря, с одной стороны, словам «пахли морем», которые выделяют особый признак, особое качество и порождают новый круг эмоциональных ассоциаций, а с другой — благодаря корреспонденции «остро — устрицы». Точно так же корреспонденция «на блюде — во льду» взаимно окрашивает эти слова, затемняя их основные, вещественные значения и оттеняя боковые — не предметные, а эмоциональные, чувственные. (Анна Ахматова, 43)

Вокалическая структура первого четверостишия создает систему смысловых со- и противопоставлений: *музыка, саду* — *блюде, устрицы, льду*. Ударному *у* противопоставлено ударное *о*: *горем, свежо, остро, морем*.⁴⁶

По справедливому замечанию Б. А. Каца и Р. Д. Тименчика, «если символисты готовы были слышать музыку в любых явлениях мира, то Ахматова, кажется, предпочитает разные явления мира услышать в музыке» (Кац, Тименчик, 89).

Образно и, вместе с тем, очень точно высказался по поводу первого четверостишия ахматовского ст-ния В. Б. Шкловский (статья *О Маяковском*): «Музыка сопоставлена с запахом устриц, а устрицы возвращают море <отмечено мной — В. Б.>. У Блока ресторан противопоставлен любви. Здесь они рядом» (Ш, 24). Ср. также: «Устрицы здесь — «морская вещь», вещь, несущая образ моря⁴⁷ —

⁴⁶ Отметим попутно, что рифма из ст-ния Ахматовой содержится и в известном паремиологическом высказывании: «Со стороны горе, с другой море!» (Даль, I, 129).

⁴⁷ Первая строфа ст-ния стала, в числе других цитат, метонимией творчества и биографии Ахматовой; мотив устриц, напоминающих о море, сохраняется и в его «зеркальном» варианте, пародийном и проецируемом на личность автора: «Я сказала,

«свободной стихии», — вносящая его в душное томление городского сада. Поэтическое слово наращивает новые признаки, полностью сохраняя первичное предметно-логическое свое значение» (Гинзбург, *О лирике*, 346).

Действительно, соположение звуковых и обонятельных впечатлений в складывается здесь в сингармонический образ, параллель которому содержится в романе Д. С. Мережковского *Юлиан Отступник*:

[...] у хорошей устрицы есть такой соленый, свежий запах моря, что достаточно проглотить ее, чтобы вообразить себя на берегу океана; закрываю глаза и вижу волны, вижу скалы, чувствую веяние моря [...] Поэты описывают формы, цвета, звуки. Почему вкус не может быть так же прекрасен, как цвет, звук или форма? (I, 104)

С этой точки зрения, утверждение Р. Д. Тименчика о фразе из доклада Анненского как подтексте ст-ния Ахматовой представляется спорным. Ахматовские устрицы, кроме ряда указанных выше внутри-текстовых связей, соотносятся с эротической парадигмой в той ее части, в которой, утратив жесткую, непосредственную связь с эротической символикой, сохраняется значение чувственного наслаждения. Фраза «устрицы во льду» представляет собой краткую формулу-метафору смешанного чувства разочарования и счастья, испытываемого лирической героиней. Что же касается Анненского, то в своем высказывании он воспользовался расхожей фразой, поговоркой (что уже само по себе делает дискуссионным вопрос об относимости слов поэта к его «поэтическому завещанию» или «персональной сигнатуре»), содержащей параллель с моллюском, антропоморфную метафору неподвижности, невозмутимости и покоя. Поэтому считать слова Анненского подтекстом ахматовских строк возможно либо игнорируя контекст ст-ния, либо предположив наличие автокоммуникативного кода/шифра, который, по замыслу самой Ахматовой, не должен был быть распознан читателем. Между тем, «грамматика» устричной темы просматривается в ахматовском сюжете достаточно явно, указывая на его связь с литературной и культурно-исторической традицией, но в аспекте ином, нежели в докладе Анненского.

что слава имеет, видно, свои худые стороны. — О да! — весело подтвердила Анна Андреевна, — когда едешь в мягком ландо, под маленьким зонтиком, с большой собакой рядом на сиденье и все говорят: «вот Ахматова» — это одно. Но когда стоишь во дворе, под мокрым снегом, в очереди за селедками, и пахнет следками так пронзительно, что и туфли, и пальто будут пахнуть еще десять дней, и вдруг сзади кто-то произносит: «Свежо и остро пахла морем на блюде устрицы во льду» — это совсем, совсем другое. Меня такое зло взяло, что я даже не оглянулась...» (Чуковская, 174)

Библиография

- Анненский И. Ф. *Книги отражений*. М., 1979.
- Байрон Дж. *Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов*. Т. 3. СПб., 1884.
- Бальзак, Оноре де. *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 2. М., 1983.
- Белинский В. Г. *Полное собрание сочинений в 13 т.* Т. 5. М., 1954.
- Бунин И. *Стихотворения*. (Библиотека поэта). Л., 1956.
- Виницкий И. «Формула устрицы. (И. С. Тургенев в зеркале Бальзака)». *Elementa*, 1997, Vol. 3.
- Гинзбург Л. Я. *О лирике*. Л., 1974.
- "-----". *Претворение опыта*. Рига—Л., 1991.
- Гоголь Н. В. *Полное собрание сочинений в 14 т.* Т. 6, 7. [М.—Л.], 1951.
- Горький М. *Жизнь Клина Самгина*. Т. 2. М., 1987.
- Греч, Н. *Записки о моей жизни*. М., 2002.
- Даль В. И. *Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа в 2 т.* Т. 1. СПб., 1997.
- Державин Г. Р. *Стихотворения*. (Библиотека поэта). Л., 1957.
- Джойс, Дж. *Улисс*. М., 1993.
- Диккенс, Ч. *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 8. М., 1986.
- "-----". *Собрание сочинений в 33 т.* Т. 29. СПб., 1905.
- Дмитриев И. И. *Полное собрание стихотворений*. (Библиотека поэта). Л., 1967.
- Достоевский Ф. М. *Собрание сочинений в 15 т.* Т. 13. СПб., 1994.
- Замятин Е. И. *Избранные произведения в 2 т.* Т. 1. М., 1990.
- Исидор Севильский. «Этимологии, или Начала». (Пер., вступ. ст. и коммент. Е. М. Лемановой) *Одиссей. Человек в истории*. 1998. М., 1999.
- Кац Б. А. «О пушкинском подтексте двух 'ресторанных вечеров', описанных Блоком и Ахматовой». *Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования*. М., 2001.
- Кац Б., Тименчик Р. *Анна Ахматова и музыка*. Л., 1988.
- Крылов И. А. *Сочинения в 2 т.* Т. 2. М., 1984.
- Лаврентьева Е. В. *Светский этикет пушкинской поры*. 1999.
- Лейкин Н. А. *Шуты гороховые: повести, рассказы*. М., 1992.
- Лесков Н. С. *Собрание сочинений в 11 т.* Т. 2. М., 1956.
- Левинтон Г. А. «Ремизовский подтекст в 'Четвертой прозе'». *Лотмановский сборник I*. М., 1995.
- Майков А. *Стихотворения Аполлона Майкова*. СПб., 1842.
- Мандельштам, О. Э. *Собрание сочинений в 4 т.* Т. 2, 3. М., 1993—1994.
- Марлинский, А. *Сочинения в 2 т.* Т. 2. М., 1958.
- Маяковский В. В. *Полное собрание сочинений в 13 т.* Т. 1, 4. М., 1955, 1957.
- Мережковский Д. С. *Собрание сочинений в 4 т.* Т. 1. М., 1990.
- Муравьев М. Н. *Стихотворения*. (Библиотека поэта). Л., 1967.
- Платон. *Сочинения в 3 т.* Т. 2. М., 1970.

Платон. *Творений Велемудраго Платона части вторыя перьвая половина, преложенная съ зреческаго языка на россійскій [...] Иоанномъ Сидоровскимъ [...] и Матвѣемъ Пахомовымъ.* СПб., 1783.

Поэты XVIII века. В 2 т. (Библиотека поэта). Т. 1. Л., 1972.

Пришвин М. *Дневники. 1920—1922.* М., 1995.

Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений в 16 т.* М.—Л., 1937.

Ростопчина Е. *Стихотворения, проза, письма.* М., 1986.

Салтыков-Щедрин М. Е. *Собрание сочинений в 20 т.* Т. 7. М., 1969.

Сковорода, Г. *Твори в 2 т.* Т. 1. Київ, 1961.

Смирнов Н. А. «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху». СПб., 1910. Сб. ОРЯС. Т. 88. № 2.

Твен, М. *Собрание сочинений в 8 т.* Т. 1, 8. М., 1980.

Тименчик Р. Д. «Устрицы Ахматовой и Анненского». *Иннокентий Анненский и русская культура XX века. Сборник науч. трудов.* СПб, 1996.

Тютчев Ф. И. *Полное собрание сочинений и писем в 6 т.* Т. 6. М., 2004.

Успенский Н. В. *Повести, рассказы и очерки.* М., 1957.

Фаррингтон Э. *Гомеопатическая клиническая фармакология (Лекции, читанных в Ганемановской медицинской коллегии в Филадельфии (1875—1886 г.).* Одесса, 1910.

Флобер, Гюстав. *О литературе, искусстве, писательском труде. В 2 т.* М., 1984.

-----"-----". *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 8. М., 1938.

Фонвизин Д. И. *Собрание сочинений в 2 т.* Т. 2. М.—Л., 1959.

Цветаева М. И. *Избранная проза в 2 т.* Т. 2. New York, 1979.

Чехов А. П. *Полное собрание сочинений и писем в 30 т.* Т. 3, 10. М., 1975, 1977.

Лидия Чуковская Л. К. *Записки об Анне Ахматовой.* Книга 1. 1989, 174.

Чуковский К. И. *Собрание сочинений в 15 т.* Т. 7. М., 2003.

Шекспир, У. *Полное собрание сочинений в 8 т.* Т. 4. М., 1959.

Шкловский В. Б. *Собрание сочинений в 3 т.* Т. 3. М., 1974.

Эйхенбаум Б. М. *Анна Ахматова. Опыт анализа.* Пб., 1923.

Balzac, Honoré de. *Oeuvres complètes.* Т. 10, 21. Paris, 1865.

Baum, L. Frank. *The Complete Oz.* [s. 1.], 2008.

Cheney, Liana de Girolami. *The Oyster in Dutch Genre Paintings: Moral or Erotic Symbolism. Artibus et Historiae.* Vol. 8. No 15. (1987).

Dickens, Charles. *A Christmas Carol in Prose.* New York—Chicago, 1893.

Dictionnaire de l'Académie française. Т. 1. Paris, 1835.

Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Leipzig, 1885.

Filippo Picinelli. *Mundus Symbolicus [...]. Tomus Primus, Lib.VI, Cap. XVI.* Coloniae Agrippinae, 1687.

Flaubert, Gustave. *Oeuvres complètes.* Т. 12, 14, 15. Paris, 1974—1975.

Gibson, Walter S. *Hieronymus Bosch.* New York, 1973.

Grand Larousse de la langue française en six volumes. Т. 3. Paris, 1973.

Le Grand Robert de la langue française. Т. 5. Paris, 1985.

Isidore. *Etymologiae.* In: Clark, Willene B. *A Medieval Book of Beasts: The Second-Family Bestiary. Commentary, Art, Text and Translation.* Woodbridge, UK —

Rochester, USA, 2006.

Jonas, Hans. *The Gnostic Religion: The Message of the Alien God and the Beginning of Christianity*. Boston, 1963.

Joyce, James. *Ulysses*. London, 1960.

Lankester, Edwin Ray. *Degeneration: a Chapter in Darwinism*. London, 1880.

Lessico Universale Italiano. Roma, 1975.

Malaguzzi, Sylvia. *Food and Feasting in Art*. Los Angeles, [2008].

Mazzio, Carla. *The Inarticulate Renaissance. Language Trouble in an Age of Eloquence*. Philadelphia, 2009.

McCulloch, Florence. *Medieval Latin and French Bestiaries*. Chapel Hill, North Carolina [1962].

The new Partridge dictionary of slang and unconventional English. London and New York, 2006.

The Oxford English dictionary. Oxford, 1989.

The Poetical Works of Jonathan Swift, Vol. II. London, 1833.

Proverb Lore: Being a Historical Study of the Similarities, Contrasts, Topics, Meanings, and Other Facets of Proverbs, Truisms, and Pithy Sayings, As Expressed by the Peoples of Many Lands And Times. By Frederick Edward Hulme. London, 1902.

Shakespeare, William. *Complete Works*. The RSC Shakespeare. New York, 2007.

Thomas D'Urfey. *Wit and Mirth: or Pills to Purge Melancholy*. Vol. V. London, 1719.

Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789-1960). T. 9. Paris, 1981.

Twain, Mark. *Autobiography* [in 2 v.]. Vol. 2. New York, London, 1924.

-----"-----". *Collected Tales, Sketches, Speeches, & Essays*. 1852—1890. New York, 1992.

The Works of Lord Byron. In 8 volumes. Vol. VIII. Philadelphia, 1829.

Williams, Gordon. *A Dictionary of Sexual Language and Imagery in Shakespearean and Stuart Literature*. NJ, 1994. Vol. II.

Wilstach, Frank Jenners. *A Dictionary of Similes*. Boston, 1916.